

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Р.В. Савинов

ПЕРИПЕТИИ КОММЕНТАРИЯ: ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА «ИНДЕКСА» К «МЕТАФИЗИЧЕСКИМ РАССУЖДЕНИЯМ» ФРАНСИСКО СУАРЕСА

Савинов Родион Валентинович – кандидат философских наук. Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины. Российская Федерация, 196084, г. Санкт-Петербург, ул. Черниговская, д. 5; e-mail: savrodion@yandex.ru

Цель статьи – рассмотреть предпосылки возникновения «Индекса» к трактату Франсиско Суареса «Метафизические рассуждения». Будучи не только справочным приложением к тексту Суареса, но и неким экзегетическим инструментом, «Индекс» отражает определенное авторское отношение к Аристотелю и комментаторской традиции, частью которой был Суарес. В статье прослеживается становление жанра «Индекса» и его функции в литературном наследии толкователей Аристотеля. Разбираются индексы аверроистов (Марко Антонио Зимара, Юлий Паламед), демонстрирующие смысловое и терминологическое единство содержания аристотелевских сочинений и их арабских комментаторов. Эти индексы часто служили инструментом борьбы с гуманизмом, апеллировавшим к «аутентичному» Аристотелю и отрицавшим авторитет схоластической экзегезы. Автор статьи рассказывает о появлении альтернативных «индексов», в частности работ Франсиско Руиса, опиравшегося как на гуманистическую, так и на схоластическую трактовки Аристотеля, благодаря чему от ангажированного комментария он переходит к высокой критике текстов. «Индекс» Суареса, таким образом, предстает как своеобразный итог длившейся весь XVI в. переоценки наследия Аристотеля и «испытания на прочность» схоластической традиции. В нем находит отражение опыт систематического мышления, выходящего за пределы безусловной апелляции к авторитету. Принимая во внимание, что метафизика с точки зрения традиции, к которой принадлежал Суарес, концентрирует в себе почти исчерпывающее содержание философии, можно сказать, что текст Аристотеля, из которого Суарес *ex professo* исходит в своем труде, становится сам частью сущего, подлежащего метафизическому толкованию. Кроме того, он является памятником полемической культуры раннего Нового времени, связанной как с философским, так и с педагогическими проектами данного периода, что позволяет зафиксировать поле интеллектуальных дискуссий второй половины XVI в.

Ключевые слова: Суарес, метафизика, комментарии, Аристотель, раннее Новое время, схоластика, философия, экзегетика

Одним из самых влиятельных философских трактатов эпохи раннего Нового времени является труд испанского иезуита Франсиско Суареса «Метафизические рассуждения» (“Disputationes Metaphysicae”). Значение его для философии сравнимо лишь со значением Хр. Вольфа для XVIII в. или Гегеля для XIX в. Это основополагающий философский трактат, объемлющий всю классическую проблематику метафизики и затрагивающий почти все философские вопросы, выдвигаемые в эпоху Нового времени.

Вместе с тем это не только самостоятельное произведение, но и звено в богатой традиции, уходящей корнями в раннее Средневековье или далее – к вершинам поздней античной философии. И как часть этой традиции книга Суареса является ее продолжением и в каком-то смысле – оппонентом. Эту сложную связь между традицией, с одной стороны, и творческой индивидуальностью Суареса, с другой, мы и хотим рассмотреть на примере одной части его метафизической системы – вводного раздела, оформленного Суаресом как пересказ или краткое содержание «Метафизики» Аристотеля.

Замысел Суареса понятен и внешне прост. Как он сам признает, «есть немало людей, которые хотели бы видеть нашу метафизику привязанной к книгам Аристотеля: как для того, чтобы лучше уяснить себе, на какие принципы столь великого философа она опирается, так и для того, чтобы, обратившись к ней, можно было бы с большей легкостью и пользой разобраться в самом Аристотеле»¹. Для этого он и создает «Полнейший указатель к “Метафизике” Аристотеля» (или «Индекс», как мы будем называть его далее), который во всех изданиях предворяет самый текст трактата и служит как бы непосредственным введением в философскую проблематику.

Суарес предлагает две мотивировки составления такого «Индекса». Во-первых, он уступает некоторым консервативно настроенным читателям, которые желают видеть в его сочинении только комментарий к Аристотелю. Именно их требованию удовлетворяет данный «Индекс», показывая, что Суарес не отклоняется от *буквы*, а тем более *духа* Аристотеля, как бы вольно ни преобразовывал он *форму* своего комментария. В условиях стандартизации жанров научной литературы, происходившей в то время, это была не только дань послушанию, но и способ легитимации своего понимания, методическое облечение своего творчества в приемлемые для общества формы. Не следует забывать и о том, что аристотелизм был к этому времени «канонизирован» как официальная философия католического мира, отступление от которой считалось в чем-то отступлением от самой веры. Суарес, таким образом, будучи иезуитом и мыслителем, не мог не быть аристотеликом, поэтому в «Индексе» представил вовсе не формальную верность принципам своего ордена.

Во-вторых, на какого читателя мог рассчитывать Суарес? Кому он стремился принести пользу? Ответить на этот вопрос можно двояко. С одной стороны, философ стремится принести пользу любому своему читателю, и «Индекс» становится актом своеобразной откровенности перед ним: дабы не возникло недомолвок или недоразумения, Суарес показывает, откуда он черпает свое философское вдохновение и на что в конце концов опирается, и в этом кроется своеобразный призыв проверить его выводы на соответствие исходным позициям.

С другой стороны, «Метафизические рассуждения» возникли из лекций по метафизике, которые Суарес читал в университете Вальядолида еще на заре своей карьеры. Поэтому данная книга – это не только обращение к чи-

¹ Суарес Ф. Метафизические рассуждения. Т. 1: Рассуждения I–V / Пер. с лат. Г.В. Вдовиной. М., 2007. С. 223 (ср. с. 292).

тателю с просьбой обстоятельно вникнуть в содержание аристотелевского трактата, но и предложение профессиональному сообществу более глубоко исследовать традиционную систему ценностей схоластической интеллектуальной культуры, в центре которой с XIII в. стоял именно Аристотель. И здесь «Индекс» оказывался незаменимым орудием, которое позволяло успешно соотносить оригинальный текст Аристотеля с многочисленными комментариями и трактовками, сложившимися в XIII–XV вв.

Как мы видим, «Метафизические рассуждения» оказываются текстом, большим, чем только философский трактат или учебник, и в каждом смысловом поле обнаруживается то своеобразное место, которое занимает «Индекс». Одновременно удовлетворяя и педагогическим, и систематическим, и коммуникативным задачам, данное сочинение представляет также интерес как принадлежащее к традиции *переработки* текста Аристотеля, его трансформации в разные виды *интертекстов*, которые позволяли, исходя из новой такой модификации, развивать перипатетизм.

Вообще, схоластика – в высшей степени интертекстуальная культура. Она в буквальном смысле движется между (*inter*) **текстами**: Библией и Аристотелем, Аристотелем и Августином, Августином и Ареопагитом. Начиная с Абеляра и Петра Ломбардского, схоластика находится в постоянном напряжении между “*sic et non*” различных текстуальных традиций. Средневековые сочинения – трактаты богословов и юристов, поэмы миннезингеров и исторические хроники – сотканы из тысяч цитат, аллюзий, парафраз и намеков. Весьма характерно, что возникает целый каскад длящихся языковых эффектов, вроде указанной Г.В. Вдовиной «гиперопределенности» словаря, который адекватно понимаем только изнутри традиции и составляет огромную проблему для современного читателя².

Возможно, именно против этой эскалации выступила *модифицированная* схоластика, к которой принадлежал и Суарес. Преодоление затруднений схоластической традиции, с одной стороны, и удержание ее позитивного содержания, с другой, составляли задачу мыслителей, выступивших как против Реформации, так и против *recentiores*, новых интеллектуалов Европы, подвергших жесткой критике схоластику и ее культурные основы.

Таким образом, проявляется основная конфигурация того интеллектуального пространства, в котором находился Суарес и в движение которого (по долгу службы и по сфере своих интересов) был активно вовлечен; его трактат приобретает новые черты: философскую актуальность и даже злободневность, обнаруживается точно рассчитанная стратегия, делающая Суареса неуязвимым для критики и, более того, бросающая вызов самым влиятельным противникам, решительно завоевывая их собственное поле интересов. И не меньшую роль, чем основная аргументативная составляющая трактата Суареса, должен был – в его замысле – сыграть и «Индекс». Возможно, даже основную³.

Кто были эти противники, которым готов был противостоять Суарес?

Даже беглый просмотр его труда показывает, что те, с кем мы связываем т. н. новоевропейскую философию, в поле его внимания не попадают – Суарес был их старшим современником. С другой стороны, едва ли он обращал

² См.: Вдовина Г.В. О гиперопределенности философских терминов и трудностях философского перевода // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 309–315.

³ Здесь мы не учитываем тех индексов, которые составлялись для отдельных изданий Аристотеля и представляют собой просто справочный материал. Упоминаемые нами далее произведения имеют, напротив, именно программное значение для того или иного этапа развития схоластики.

ся и к известным представителям Ренессанса, таким как Фичино. Напротив, в его трудах обнаруживается внимание к представителям направления, которое к концу XVI в. уже пережило себя, но и во времена Суареса продолжало оказывать влияние на умственный климат Европы. Это Агостино Нифо, Марко Антонио Зимара, еще ряд менее заметных имен и, конечно, Аверроэс, признанный авторитет обширной и влиятельной школы *аверроистов*.

Аверроисты всегда выступали в оппозиции к официально признанному католической церковью аристотелизму, переработанному Фомой Аквинатом, Дунсом Скотом и другими схоластами и в таком виде усвоенному и философией, и богословием. Напротив, аверроисты выступали за «подлинного Аристотеля», Аристотеля без католической цензуры. Другое дело, что сами они приняли Аристотеля уже переосмысленным его крупнейшим средневековым комментатором – Ибн-Рушдом (Аверроэсом). Именно в его трактовке и предлагали они учение Аристотеля, за что, вероятно, еще в XIII в. при первом выступлении на факультете искусств в Сорбонне и получили меткую кличку “*averroistes*”. История аверроизма трагична, но показательна для характеристики средневекового способа урегулирования конфликтов: неоднократно осужденные и поместными иерархами, и Римом, аверроисты относительно благополучно продолжали существовать еще около трехсот лет и даже смогли быть влиятельным противником собственно католических мыслителей. Итальянские университеты, особенно их медицинские и философские отделения, были своеобразной вотчиной аверроистов, откуда они развернули не только педагогическое, но и информационное наступление, издавая огромное количество своих книг и книг Аверроэса⁴.

Причина их живучести состояла в том, что им с самого начала (т. е. после осуждения 1277 г.) закрыли путь к богословскому факультету, что показалось церковным властям вполне достаточным, и их влияние никогда не распространялось дальше факультетов искусств и медицины. Последнее понятно – Аверроэс был также и медиком и составил огромный медицинский труд “*Colliget*”, который внимательно изучался наряду с сочинениями Галена, Гиппократы и Авиценны. Поскольку же контингент медицинского факультета проходил этап своего образования на факультете искусств, где в обязательном порядке изучали натурфилософию Аристотеля (теологи и юристы зачастую были избавлены от обязательного прохождения младшего факультета), то быстро сформировался единый курс наук, основой для которого стали книги Аристотеля и комментарии Аверроэса. Таким образом, аверроисты смогли обеспечить себе прочное положение, а часто и карьерный рост, в одном из осевых центров средневековой и постсредневековой науки. Ни осуждение 1512 г., ни репрессии против некоторых представителей направления не подорвали их положения.

Значительная часть сочинений католических авторов, начиная с Альберта Великого и его ученика Фомы Аквината, наполнена полемикой как с Аверроэсом, так и с аверроистами. Они были весьма вызывающим течением на фоне в общем стабильной схоластики XIV–XV вв. В 1599 г., при формировании педагогического устава модифицированной схоластики, “*Ratio Studiorum*”, в главе, описывающей преподавание философии, отмечается, что не следует обстоятельно разбирать суждения Аверроэса и аверроистов, надо следить за тем, чтобы ученики не принимали выдвинутых ими трактовок, и всячески дезавуировать оригинальность их подхода⁵. Поскольку данный устав являлся

⁴ См.: *Апполонов А.В.* Латинский аверроизм XIII в. М., 2004; *Жильсон Э.* Философия в Средние века: от истоков патристики до конца XIV в. М., 2004. С. 519–523.

⁵ *Ratio atque institutio studiorum Societatis Jesu.* Dilingae, 1600. P. 80.

результатом многолетней работы и обобщал как педагогический, так и научный опыт постсредневековой схоластики, не будет преувеличением сказать, что в приведенных оценках дан очерк совершенно определенной полемической программы.

Как видим, Суарес вполне точно следовал этой программе, исполняя свой долг преподавателя и полемиста. Вместе с тем самой логикой этой борьбы требовалось создание таких текстов, которые послужили бы не только опровержением аверроизма, но и альтернативой его интеллектуальной продукции.

Выяснив, кто были основные противники Суареса, следует определить, чему он желал противопоставить свой труд (в частности, «Индекс»). Поскольку данная борьба происходила в рамках перипатетизма, его комментаторской традиции, то выдвинутый нами вопрос приводит к более общей проблеме: какие сдвиги в комментаторской традиции произошли в XVI в. и какую реакцию вызвали?

Как и во всякой экзегетической традиции, драма перипатетизма на рубеже Средних веков и Нового времени была связана с комплексом отношений к авторитетному тексту – *Corpus Aristotelicum*. Занимая интертекстуальное положение, комментатор встречался с множеством разноречивых трактовок одного и того же текста, а поскольку выучка требовала от него видеть в каждом из них всецелую истину, комментатор сталкивался с неразрешимыми для себя проблемами:

(1) как согласовать противоречия в текстах самого Аристотеля?

(2) как согласовать противоречия его толкователей?

(3) как построить толкование, лишенное таких многоуровневых противоречий?

Одним из вариантов решения данной проблемы и стало принятие за основу любого рода трактовки комментария наиболее авторитетного толкователя. Для некоторых групп интеллектуалов волею судьбы таким авторитетом стал Аверроэс. Впрочем, для них и не было на данном пути другого выхода: с одной стороны, это были преимущественно светские люди, для которых было затруднительно присоединиться к какой-либо из орденских традиций (томизму у доминиканцев, скотизму у францисканцев и т. д.), с другой стороны, свои интересы они связывали со своей ведущей профессией – медициной, где авторитет Аверроэса никем не оспаривался, так что принятие его философского авторитета было для них профессиональной последовательностью.

В итоге к концу XV в. сложился достаточно внятный компромисс, на который мы уже указывали: аверроистам закрыли путь к теологии, но оставили значительную сферу философии и медицины. Осуждения Аверроэса и концепции «двойственной истины» касались, таким образом, в основном теологов, которые не имели права на подобные колебания. Со своей стороны, аверроисты начинают плодотворную и обширную деятельность, поскольку в их распоряжении оказалась венецианская типография Юнтов, обслуживавшая Падуанский университет – оплот аверроизма. Все ведущие аверроисты XVI в. и те авторы, которых они признали удобными, публиковались в этой типографии, и их великолепные тома in-folio останутся памятником полиграфического искусства того времени⁶.

Удар по аверроизму пришелся с неожиданной стороны и оказал ошеломляющее воздействие на их современников – против аверроистов выступил сам Аристотель, произведения которого с конца XV в. стали публиков-

⁶ Ренан Э. Аверроэс и аверроизм. Исторический очерк. М., 2010. С. 201–213.

ваться на языке оригинала. Греческого языка аверроисты того времени не знали, поэтому апеллировать к «подлинному» Аристотелю не могли, что сильно подорвало их позиции. С трудом они признали и новые переводы сочинений Аристотеля на латынь – различия были местами принципиальные, а авторитет текста как всецелой истины не допускал принятия таких различий. Наконец, вместе с греческим Аристотелем стали известны и его греческие толкователи – Филопон, Аммоний и главным образом Александр Афродизийский, который был выдвинут как альтернатива Аверроэсу. Возник настоящий кризис комментаторской традиции, основанной на практике «медленного чтения» и скрупулезного обсуждения каждого нюанса того или иного материала.

Для развивающихся перипатетическую доктрину стало ясно, что толкования Аверроэса основаны больше на собственном его, Аверроэса, понимании арабского текста Аристотеля, чем на самом Аристотеле, поэтому они не могут быть положены в основу комментаторской традиции⁷. И такие деятели, как Эрмолао Барбаро, полностью отказываются от трактовок Аверроэса. Для более умеренных, как Агостино Нифо, Аверроэс сохраняет значение, но в качестве периферийного источника, на место которого приходят греческие комментаторы.

Эти события вызвали также раскол аверроистов на два лагеря – александристов, признававших ведущим авторитетом Александра Афродизийского, и собственно аверроистов, расширивших свой арсенал толкованиями Симплиция, привлекательного для них своим проаристотелевским направлением (Александр находился под сильным влиянием платонизма). Как и следовало ожидать, размежевание прошло и по линии текстуальной – эти направления использовали для своих целей разные издания: «Оба лагеря искали репрезентативное выражение [своих идей] в изданиях Аристотеля, которые они курировали: александристы в греческом альдовском издании 1495/98 гг., а симплицианцы в латинском издании (с комментариями Аверроэса) 1483 и 1550/52 гг.»⁸. Особенно характерно в этом отношении юнтовское издание аристотелевских и аверроэсовых книг 1550-х гг., выходящее дважды. Толкования Аверроэса в них перестают быть особым текстом, но становятся как бы частью текста самого Аристотеля, и хотя издание было заявлено как публикация именно книг Аристотеля, оказалось, что Философ и его Комментатор слились в единый комплекс и разделить их не представляется возможным. Стоит отметить и некоторое нарочитое пренебрежение оригинальным греческим текстом: издание ориентировано именно на материал латинских переводов, которые были сверены... с текстами арабскими и еврейскими.

Но апофеозом аверроистского подхода к толкованию и вообще пониманию функции и смысла текста явилась появившаяся на три десятилетия раньше издания Юнтова и подготовившая его литература *индексов*. Индекс (*index*, но чаще – *tabula*) – это указатель, в том самом смысле, в котором мы его разумеем и сейчас. Он играет роль справочника, способствуя более эффективной работе с различными объемными текстами в условиях постоянного наложения новых значений на их терминологию. Таков был ближайший смысл аверроистских индексов – позволить оперативно справиться о том или ином понятии, его смысле и употреблении. И применялись они главным образом в учебном деле как одно из пособий для работы с текстом.

⁷ О школе «эллинистов» и их влиянии на развитие экзегетики см.: *Зубов В.П.* Аристотель. М., 1963. С. 277–284; *Ренан Э.* Указ. соч. С. 216–220.

⁸ *Pozzo R.* Kant and the five intellectual virtues // *The Impact of Aristotelianism on Modern Philosophy.* Washington, D.C., 2004. P. 183.

Специфика индексов, составленных аверроистами – Марко Антонио Зимарой⁹ и Юлием Паламедом¹⁰ (оба по профессии медики), – состоит в том, что в условиях кризиса между текстом Аристотеля и текстом Аверроэса ими сознательно не проводится никакой границы. Изданная впервые в 1525 г., «Таблица» Зимары ориентируется на первые издания Аристотеля, тогда как «Таблица» Паламеда – на издание Юнгов¹¹. Их индексы состоят из понятий, встречающихся в сочинениях Аристотеля и Аверроэса, расположенных в алфавитном порядке и сопровождающихся краткими определениями. Затем следует ссылка на сочинение Аристотеля или Аверроэса, книгу и «текст» или «комментарий»: главы делятся на «тексты» – законченные смысловые отрывки, к которым затем прибавляется «комментарий» (наследником этой структуры является нынешнее деление сочинений античных авторов на параграфы), при этом нумерация «текстов» – сплошная для всей книги. Составителями, таким образом, предполагается идентичность терминологии Аристотеля и Аверроэса, более того – полная взаимоконвертируемость их текстов и точное соответствие их содержания. Философ и Комментатор растворяются друг в друге, разница между ними не просто игнорируется, а отрицается как таковая – Аверроэс и Аристотель суть одно.

Нельзя отрицать двух вещей. Во-первых, потребность в таком индексе в то время была весьма велика, поэтому «Таблица» Зимары с поправками и дополнениями выдержала не менее четырех изданий и легла в основу публикации работ Аристотеля у Юнгов. Во-вторых, это был внешне убедительный и ловкий ход с тем, чтобы отвести от себя обвинения в забвении Аристотеля. Обладая такого рода солидной базой, аверроисты считали, что могут вообще игнорировать своих противников, предоставив им зримое свидетельство единства традиции. Более того, возможность такого свидетельства ими никогда не ставилась под сомнение, поэтому никаких теоретических обоснований подобного сопоставления мы не найдем.

«Таблицы» Зимары и Паламеда охватывают всю совокупность книг Аристотеля и Аверроэса, являясь, таким образом, универсальной философской энциклопедией, беспрецедентной по своей обширности и фундированности. Вся латинская терминология оказывается так или иначе в них освещена и связана с конкретными авторитетными текстами. Более того, философское понятие превращается в самостоятельную категорию и служит таким же текстуальным экзегетическим орудием, как «текст» или «книга». Можно даже сказать, что в индексах аверроистов впервые предложен масштабный синтез философского содержания – опыт достаточно неуклюжий и механический, но для своего времени уникальный, потому что давал возможность объединения материала без утраты содержания как такового, тогда как все предшествующие (и последующие) опыты такого рода свелись главным образом к редукции многообразия философской проблематики и терминологии к какой-то одной ее стороне (так будет у Фонсеки, потом у Диего Маса, Суареса и его последователей).

Впрочем, чтобы обеспечить такой успех, аверроисты пожертвовали самим Аристотелем, поскольку их подход полностью исключил отношение к сочинениям Аристотеля как к самостоятельной исследовательской ценности:

⁹ *Zimara M.A. Tabula dilucidationum, in dictis Aristotelis, & Auerrois. Venetiis, 1525.*

¹⁰ *Palamedes J. Tabula in Aristotelis Averrois[ue] Opera: quae continet cum omnia, quae in Naturali, Morali, ac divina Philosophia tractantur. Venetiis, 1562.*

¹¹ Ренан упоминает об аналогичном труде Антонио Поззи (1560), нам недоступном (*Ренан Э. Указ. соч. С. 213*). Впрочем, судя по замечаниям историков, он был автором трактата иного рода: не справочника, а *Conciliator'a* – см.: *Rosmini A. Aristotele esposto ed esaminato. Torino, 1858. P. 8, not. 1.*

с одной стороны, ими отрицалась историчность самого философского процесса и Аристотель становился авторитетом на все времена, вне зависимости от контекста, с другой стороны, что это заставило аверроистов признать состоятельной исключительно группу средневековых латинских переводов, что закрывало для них выход к аутентичным аристотелевским текстам. Не будет преувеличением сказать, что такая эскалация комментаторского (т. е. вторичного) догматизма стала реакцией на формирование у ренессансных ученых филологического отношения к авторитетным текстам – как раз возможность критики всякого рода: текстуальной, исторической и прочей здесь и отрицалась.

Нельзя, однако, сказать, что сугубо догматический подход аверроистов удовлетворил профессиональное сообщество. Напротив, уже в 1540 г. был выпущен новый индекс к сочинениям Аристотеля, построенный на основаниях, противоположных аверроистическим. Франсиско Руис, испанский бенедиктинец, подготовил редакцию индекса, во многом превосходящую труды аверроистов¹². По форме он вполне соответствует изданиям Зимары и Паламеда, хотя и не столь обстоятелен – это именно указатель и в меньшей степени словарь. С другой стороны, Руис дал описание принципов своей работы, что значительно повышает ее ценность по сравнению с работами аверроистов.

Автор предложил в качестве введения к своему труду ряд правил (*canones*), следуя которым он составил данный индекс: он сделал его по возможности кратким, ожидая, что внимательный читатель сможет сам оценить значение того или иного термина у Аристотеля (*cap. 1*), и использовал в своей работе также и греческий текст альдовского издания, хотя во многих местах греческий и латинский тексты расходятся – в таком случае он предпочитал латинскую версию (*cap. 2*), хотя и включил в индекс греческие варианты некоторых терминов в транслитерации (*cap. 10*). Также Руис указал, что в древности различали у Аристотеля книги «эксотерические» и «акроаматические»¹³, но он не принял этого деления (*cap. 3*) и вообще признал наиболее разумным традиционный школьный порядок их изучения (*cap. 4*). При работе перед Руисом также встала проблема указания цитат: традиционная форма цитации аристотелевских работ (по книгам и «текстам») напрямую была соотнесена с системой комментариев Аверроэса, однако Аверроэс прокомментировал далеко не все работы Аристотеля. Все же Руис нашел возможным сохранить привычную систему цитации, но указание деления на книги и главы он дал по последним для его времени изданиям Стефаноса, Ватабля и Альда (*cap. 5*). Правила работы с индексом, которые предложил Руис, вполне соответствуют современным (*cap. 6–9*). Впрочем, в сочинениях Аристотеля упоминается такое количество различных стран, провинций, гор, рек, городов и населенных пунктов, народов, личностей, различных животных, растений, металлов, рассказывается такое великое множество исторических и легендарных сведений, что автору волей-неволей пришлось включить в свой индекс элементы толкового словаря. Следует учесть и то, что сведения о той или иной вещи зачастую встречаются только у Аристотеля, и современные авторы не могут ее ни с чем соотнести (*cap. 11*). Особые трудности представляет перевод «Истории животных» Феодора Газы, поскольку в нем употребляются редкие термины и одно греческое слово Газа зачастую переводил разными способами. Однако и эти случаи Руис

¹² *Ruiz Fr. Index locupletissimus duobus tomis digestus, in Aristotelis Stagiritae Opera. Salamanca, 1540.*

¹³ Т. е. популярные сочинения, предназначавшиеся для широкого распространения, и специальные работы, писавшиеся для учеников.

постарался учесть в своем индексе (cap. 12). Наконец, Руис постарался придать своей работе ту форму выражения, которая принята в латинских школах: наиболее примечательна здесь апелляция к “*aristotelicae reipublicae cives*”, причем именно своей подчеркнута философской идентичностью, что позволяет видеть в Руисе одного из деятелей великой эпохи институционализации философского знания (cap. 13).

Итак, «Индекс» Франсиско Руиса стал трудом, противоположным по замыслу трудам аверроистов, и в этой своей противоположности он преодолел узость и фундаментальную порочность их подхода. Во-первых, Руис оставил для читателя трудов Аристотеля выход к аутентичному тексту, и, хотя он отдает предпочтение латинскому переводу – в силу его всеобщей употребительности, – его словарь оказался связан с греческим оригиналом и даже включил некоторые его моменты. Тому же самому послужило и обращение к переводу Феодора Газы, над которым Руис проделал такую же работу, какую впоследствии осуществил в своей мастерской филологической критике П. да Фонсека уже в отношении оригинального текста «Метафизики».

Во-вторых, Руис в своей системе цитации отметил преимущество «внутреннего» соотнесения текста (по соответствующим книгам, главам и отделам) перед «внешним», искусственно связанным с корпусом комментариев. Это также отличает его от аверроистов, для которых единство аристотелевской мысли распалось на мозаику «текстов», что лишило ее существенной доли вразумительности и вылилось в сер. XVI в. в затяжную полемику о том, являются ли «Категории» логическим или метафизическим трактатом.

В-третьих, обращает на себя внимание полноценность восприятия Руисом мысли Аристотеля – «Индекс» включил в себя кроме философской терминологии также и сведения о природных, исторических и культурных явлениях, упоминаемых Аристотелем (см. выше изложение cap. 11). Руис предложил то, что позже назовут реальным комментарием, и этот выход за пределы узкой сферы схоластики, связанный, возможно, с гуманистическим влиянием с его восприятием текста как конкретной полноты сведений, позволяет рассматривать «Индекс» Руиса как новый шаг в развитии комментаторской традиции.

Главное же и очевидное отличие состоит в том, что Аристотель стал важен и интересен для Руиса сам по себе, в единстве и самостоятельности своего творчества. Руис признал авторитет Аверроэса как чисто внешнюю рамку, общее место, проясняющее отдельные технические детали (как в случае с системой цитации). Более того, от такого размежевания выигрывает не только читатель, не скованный больше громоздкими и сомнительными с ортодоксальной точки зрения толкованиями арабского перипатетика, но прежде всего сам Аристотель, являющийся благодаря этому богатство своего философского и культурного содержания.

Как видим, появлению «Индекса» Суареса предшествовала более чем полувековая работа комментаторов Аристотеля из разных школ, давшая разные, но значительные результаты в деле осмысления наследия Философа. В той или иной степени их влияние воспринял также и сам Суарес. В отношении аверроистов он стоял на противоположных позициях, и одной из его профессиональных целей была полемика с ними и подрыв их влияния. Что касается Руиса, то прямого влияния на Суареса, кроме общего названия их трудов (т. н. *Index locupletissimus*), не обнаруживается, однако нельзя исключать, что Суарес мог использовать его «Индекс» в годы своего студенчества, а возможно – и в своей преподавательской деятельности.

Тем большее удивление вызывает то, что все эти аспекты, существенные сами по себе и важные для исследователей творчества Суареса, не нашли своего отражения не только в специальных трудах, но и в научных комментариях к изданию самого «Индекса». Так, во «Введении» к английскому переводу «Индекса» один из крупнейших знатоков философии Суареса Дж.П. Дойл лишь ограничивается указанием, что Суарес продолжает здесь комментировать Аристотеля «через вопросы» (*per modum questionis*) к его тексту, что до него делали Аквинат и Фонсека, сочетая с ним метод пересказа (*expositio*), использованный Авиценной и Дунсом Скотом¹⁴.

Не лучше дело обстоит и с другим фундаментальным изданием «Индекса» – французским. Исследователь творчества Суареса Ж.-П. Кужу во «Введении» так же, как и Дойл, ссылается на комментаторскую традицию, от которой Суарес принял метод толкования «через вопросы». Он, правда, отмечает, что труд Суареса появился в сложное время и является «моментом воспроизводства критической конфронтации внутри самой философии, которая требует в качестве предпосылки изложение и превосхождение учений прошлого, воплощенных в таких авторах, как Платон, Аристотель, Аверроэс, Александр Гельский, Альберт Великий, Фома Аквинат, Дунс Скот, Каэтан». Существенно то, что в трактате «логическая экзегеза разрешается в экзегезу онтологического проекта», в которой «единство объекта метафизики гарантирует научность логико-онтологии»¹⁵, – этой цели служит в том числе и «Индекс».

Таким образом, основная проблема генезиса «Индекса» оказывается у исследователей заглушенной общими ссылками на комментаторскую традицию. Пожалуй, связь между составителями индексов со стороны аверроистов и трудом Суареса не вполне очевидна. Действительно, с одной стороны, мы имеем словари, дающие параллельные ссылки на тексты Аристотеля и Аверроэса. С другой же – детализованный пересказ содержания «Метафизики», составляющий собрание интертекстовых отсылок как к тексту Аристотеля, так и к тексту самого Суареса.

Однако объект обоих «Индексов» общий – текст Аристотеля, и проблема у аверроистов и Суареса одна – смысловое единство его философии. Следовательно, различие форм проистекает из того, как решали данные вопросы одна и другая сторона, и уже на этом основании их «Индексы» оказываются сопоставимыми. Вспомним и о полемических задачах Суареса, от которого требовалось представить качественно иной продукт, чем указатели аверроистов. Учитывая же, что Суарес принял и традиционный заголовок для своей работы, остается признать, что между сочинениями аверроистов и Суареса есть прямая смысловая связь – на уровне объекта, замысла и исполнения.

Автор цитированного выше «Введения» к французскому переводу «Индекса» пронизательно отмечает унитаристскую тенденцию в замысле Суареса: «единство объекта метафизики гарантирует научность логико-онтологии», в которой «логическая экзегеза разрешается в экзегезу онтологического проекта». Истоки данного замысла, на наш взгляд, лежат в том образе философии, который предложил Фонсека – автор серии фундаментальных комментариев на «Метафизику», получивший за них прозвище «португальского Аристотеля».

¹⁴ *Doyle J.P.* Editor's Introduction // *Suárez Fr. A Commentary on Aristotle's Metaphysics: A Most Ample Index to the Metaphysics of Aristotle (Index Locupletissimus in Metaphysicam Aristotelis)*. Milwaukee, 2004. P. 8–9.

¹⁵ *Coujou J.P.* Introduction // *Suárez et la refondation de la métaphysique comme ontologie: étude et traduction de l'Index détaillé de la Métaphysique d'Aristote de F. Suárez*. Louvain; P., 1999. P. 8–10.

В богатом и разнообразном творчестве Фонсеки можно заметить его особое внимание к двум темам – к логике, которой он посвятил один из самых популярных учебников, и к метафизике. Именно к последней Фонсека и сводит, по большому счету, философию. Только «онтологический проект» у него разворачивается в двойной перспективе: филологической – обоснование своего понимания Аристотеля через обращение к аутентичному тексту его произведения¹⁶, и контекстной, в которую Фонсека помещает вообще всю философскую проблематику. Таким образом, можно сказать, что философия для Фонсеки – это учение Аристотеля, как оно изложено в его «Метафизике», а остальные философские произведения *Corpus Aristotelicum* – не что иное, как расширение того содержания, которое заключено в «книгах о первой философии».

Поступая так – сводя философию к содержанию одного аристотелевского трактата, – Фонсека решал современную ему проблему текстуального обоснования метафизики. Распад единства схоластической учености привел к распаду и единого канона авторитетных текстов. Возможно, попытки авероистов слить в один текст Аристотеля и Аверроэса были одной из форм ответа на данный кризис. Фонсека же, наоборот, был готов пожертвовать полнотой канона ради конкретизации самой философской проблематики. Авероисты всецело находились в плену слов Аристотеля, тогда как Фонсека стремился освободить смысл его учения.

Таким образом, Фонсека подготовил концептуальный базис для Суареса, который сделал в разработке философской проблематики следующий шаг, гораздо более решительный, чем у Фонсеки. Предметом метафизики как науки является для него не аристотелевский текст и перспектива выводов из него, а «сущее как таковое», в котором бытие говорит само за себя. В силу этого на Суаресе уже не лежит бремя филологического доказательства или текстологических изысканий, которое тяготело одинаково над Фонсекой и авероистами. Философия Суаресом по-прежнему понимается как метафизика. Более того, в отличие от системы Фонсеки, она поглощает у Суареса и традиционно логическую проблематику: категории и трансценденталии, даже проблему фикций. Психология же, некоторые логические и физические вопросы отходят в компетенцию учения о душе, одновременно играющего роль гносеологии. Наконец, этика у Суареса полностью теологизирована и включена в его богословское учение, к которому также приводят его онтология и гносеология. Из этого легко понять, почему своему «Индексу» Суарес придал ту форму, которая нам известна.

Филологическое обоснование латинской философской традиции было дано Фонсекой, которому Суарес непосредственно наследовал и чей труд, по большому счету, продолжил. Но за филологией стоит текст, и Суарес, следуя опять же Фонсеке, таковым признал аристотелевскую «Метафизику». Именно в ней заключена единая и неделимая истина. Однако текст для Суареса больше не имеет смысла прямого источника этой истины. Источник естественной (в отличие от богооткровенной) истины – самый разум, усматривающий в себе понятия и способность их анализа. Тем самым «филологическая экзегеза» Фонсеки – так мы перефразируем слова Кужу – разрешилась в «онтологическую экзегезу» Суареса. Но это уже не вполне экзегеза Аристотеля (как бы Суарес ни настаивал на традиционности своего решения). Давая пересказ «Метафизики», Суарес тем самым сделал то, чего не могли

¹⁶ Комментарии Фонсеки действительно сопровождались приведением греческого текста изучаемого фрагмента, латинского перевода и глоссами к ним, в которых Фонсека проявил себя как незаурядный филолог.

допустить аверроисты и что не готов был сделать Фонсека, – он позволил Аристотелю быть самим собой. «Метафизика» впервые за тысячелетнюю историю философской экзегетики выступила как *самостоятельный* текст, обладающий ценностью именно в этой своей самостоятельности¹⁷.

Все труды аверроистов, таким образом, мгновенно потеряли свое значение. Суарес мог бы согласиться с теми, кто упрекал их в философском “*barbaritas*”. У него, впрочем, была и другая задача: аверроисты желали показать, что все пути ведут в конце концов к ним, для Суареса же все пути ведут, наоборот, к теологии. Может быть, истина «Метафизики» и замкнута на самой себе, но философская истина – открытое пространство Сущего, движущегося от бесконечного к конечному (творение) и от конечного к бесконечному (познание). Мог ли такой «онтологический проект» быть замкнут в форме словаря к Аристотелю?

«Индекс» Суареса в этом смысле прочитывается и как научный, и как собственно философский манифест, ближайший смысл которого состоит в опыте осмысления философии как самостоятельной, автономной дисциплины.

Подведем итоги. Главным выводом из него следует признать тот факт, что появление «Индекса» Суареса было продиктовано определенной традиционной основой, которая продолжала влиять на комментаторскую традицию на протяжении всего XVI в.

В основе данной традиции, как было показано выше, лежат труды нескольких аверроистов-комментаторов (Зимара, Паламед), составивших индексы философской терминологии для Аристотеля и Аверроэса, но которые, следуя установкам своей школы, полностью отождествили их как на уровне языка, так и на уровне содержания учений.

Реакция ортодоксальных схоластов, таким образом, должна была заключаться не только в полемике против аверроистов, но и преодолении их экзегетического наследия. Одна линия в данной тенденции заключалась в указании на неадекватность восприятия аверроистами Аристотеля лишь через призму аверроэзовых комментариев и латинского – вторичного по своей природе – философского языка. Эту задачу выполнил в своих «Комментариях» Фонсека, заложив тем самым возможность построения философии как системы, самостоятельной по отношению к букве Аристотеля и свободной от бремени филологического обоснования своего языка.

Вторая тенденция заключалась в осмыслении текстов Аристотеля как самостоятельной ценности, обладающей собственным содержанием. Такой шаг был сделан уже одним из «индексаторов» аристотелевских текстов Руисом, который отказался отождествлять Аристотеля с Аверроэсом и расширил состав толкуемых понятий до конкретных культурных реалий, о которых говорит Аристотель.

¹⁷ Читал ли Суарес греческий текст «Метафизики»? Этим вопросом задается Дж.П. Дойл и отвечает на него однозначно утвердительно (*Doyle J.P. Op. cit. P. 9–10*). Вместе с тем он ставит вопрос: каким текстом Суарес пользовался? Дойл отмечает, что в основном он следует тексту, приведенному у Фонсеки, как греческому, так и латинскому. С другой стороны, комментаторы по системе ссылок в “*Disputationes metaphysicae*” идентифицируют таковой как текст второго издания Юнгов (см. комм. Г.В. Вдовиной в кн.: *Суарес Ф. Метафизические рассуждения. Т. 1. С. 226, примеч. 4*). На наш взгляд, данный вопрос следовало бы разделить на два аспекта: несомненно, составляя свой трактат, Суарес постоянно имел перед глазами “*Commentariae*” Фонсеки, возможно, что учитывал он и самый текст Аристотеля, приведенный Фонсекой, но ссылаться он мог и на *editio communis*, которым для времени Суареса и было издание Юнгов. Данный шаг, таким образом, был для Суареса как мыслителя чем-то вроде профессионального долга. А также говорит о влиятельности аверроистского наследия, которое Фонсека и Суарес пытались преодолеть.

Итогом этой тенденции явился «Индекс» Суареса, который восстановил в целостности своего содержания основной трактат Аристотеля – «Метафизику», тем самым совершив шаг от «филологической экзегетики» к «онтологической экзегетике», в которой текст Аристотеля стал частью сущего, подлежащего философскому истолкованию.

Ключевым моментом для Суареса здесь явился не исходный текст, а «структура учения» (“*ordo doctrinae*”: **DM. 2, praef.**), почти полностью самостоятельная по отношению к тексту авторитета (Аристотеля), что можно расценивать как реализацию представления о метафизике (философии) как независимой научной области (“*sphaera objecti*”: *DM. 1.1*), что стало одним из решающих этапов преодоления эскалации экзегетики у аверроистов и становления философии как автономной дисциплины.

Список литературы

- Апполонов А.В.* Латинский аверроизм XIII в. М.: ИФ РАН, 2004. 215 с.
- Вдовина Г.В.* О гиперопределенности философских терминов и трудностях философского перевода // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 309–315.
- Жильсон Э.* Философия в Средние века: от истоков патристики до конца XIV в. / Пер. с фр. А. Бакулова. М.: Республика, 2004. 678 с.
- Зубов В.П.* Аристотель. М.: АН СССР, 1963. 368 с.
- Ренан Э.* Аверроэс и аверроизм. Исторический очерк. М.: УРСС, 2010. 248 с.
- Суарес Ф.* Метафизические рассуждения. Т. 1: Рассуждения I–V / Пер. с лат. Г.В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 776 с.
- Coujou J.P.* Introduction // Suárez et la refondation de la métaphysique comme ontologie: étude et traduction de l'Index détaillé de la Métaphysique d'Aristote de F. Suárez / Etude et trad. par J.P. Coujou. Louvain; P.: Editions de l'Institut supérieur de philosophie, 1999. P. 1–67.
- Doyle J.P.* Editor's Introduction // *Suárez Fr. A Commentary on Aristotle's Metaphysics: A Most Ample Index to the Metaphysics of Aristotle (Index Locupletissimus in Metaphysicam Aristotelis)* / Ed. and trans. by J.P. Doyle. Milwaukee: Marquette University Press, 2004. P. 7–19.
- Palamedes J.* Tabula in Aristotelis Averrois[ue] Opera: quae continet cum omnia, quae in Naturali, Morali, ac divina Philosophia tractantur. Venetiis, 1562.
- Pozzo R.* Kant and the five intellectual virtues // *The Impact of Aristotelianism on Modern Philosophy* / Ed. by R. Pozzo. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2004. P. 173–192.
- Ratio atque institutio studiorum Societatis Jesu.* Dilingae, 1600.
- Rosmini A.* Aristotele esposto ed esaminato. Torino: Società editrice di libri di filosofia, 1858. 676 p.
- Ruiz Fr.* Index locupletissimus duobus tomis digestus, in Aristotelis Stagiritae Opera. Salamanca, 1540.
- Zimara M.A.* Tabula dilucidationum, in dictis Aristotelis, & Auerrois. Venetiis, 1525.